

© 2023. Людмила Сараскина

Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

Герои-читатели в романе «Бесы». Грустное торжество «Апокалипсиса»

© 2023. Liudmila I. Saraskina

State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Characters-Readers in Dostoevsky's Novel *The Possessed*. The Sad Triumph of the Apocalypse

Информация об авторе: Людмила Ивановна Сараскина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, 125009 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4844-4930>

E-mail: l.saraskina@gmail.com

Аннотация: В данной статье на материале романа «Бесы», за которым закрепилась репутация самого литературного романа в творчестве Ф.М. Достоевского, рассмотрены феномены *читательства* в сопоставлении с *сочинительством*. Читательская стратегия самого Достоевского, чье чтение с ранней юности было сверхнасыщенным и всепоглощающим, было нацелено на извлечение из прочитанных книг *умения создавать*, на обучение писательскому мастерству у собратьев по перу. Персонажи «Бесов», подверженные мощной стихии литературного творчества, со всеми его рисками и невзгодами, образуют своего рода «союз сочинителей». Но это еще и «союз читателей», и как раз бескорыстный читательский опыт, чуждый эгоизму и честолюбию, оказывается опытом устроительным и преобразующим.

Книги в жизни героев романа «Бесы» разнообразны и многоплановы; к ним обращаются за подсказкой, утешением или предупреждением об опасности. Особенно важны «настольные книги» — зачастую они говорят о читателях больше их слов и поступков. В том, какую именно книгу автор романа «кладет» на письменный стол героя, иногда содержится и загадка, и разгадка образа. В статье показано, как по мере сгущения событий и по пути движения к катастрофе радикально меняются тон и содержание литературных рефлексий.

После многих бедствий в пространстве романа остается одна-единственная Книга, вокруг которой его герои пытаются объединиться. «Апокалипсис» в «Бесах» рассмотрен как Книга в книге, и можно видеть, как персонажи романа стремятся понять ее смыслы и поверить им.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Бесы», стихия сочинительства, персонажи-читатели, читательский опыт, настольные книги, «Апокалипсис», Книга в книге.

Для цитирования: Сараскина Л.И. Герои-читатели в романе «Бесы». Грустное торжество «Апокалипсиса» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 172–201. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-172-201>

Information about the author: Liudmila I. Saraskina, DSc in Philology, Leading Researcher, State Institute for Art Studies, Kozitskii Lane 5, 125009 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4844-4930>

E-mail: l.saraskina@gmail.com

Abstract: The paper analyses the phenomenon of *being a reader* compared with the phenomenon of *being an author* in Dostoevsky's novel *The Possessed*, which has got the reputation of the most literary novel of the writer. For Dostoevsky, who was an intense and all-consuming reader from early youth, the purpose of reading was to draw from the books he read the *art of creation*, to take lessons in the craft of writing from fellow writers. In *The Possessed* the characters, engulfed by the powerful passion of literary creation with all its risks and adversities, form a kind of "authors' union." However, it is also a "readers' union," and the selfless experience of being a reader, devoid of egoism and ambition, proves to be constructive and transforming.

Various and multifaceted books are involved in the lives of the characters of *The Possessed*. They turn to books for advice, consolation, or as a warning of danger. Of special importance are "well-thumbed books": quite often, they tell us about their readers more than words and actions. The book that the author set on a character's writing desk sometimes contains both the riddle of the character and the solution to it.

The paper shows how, as the events in the novel become more and more macabre, leading to the disaster, the tone and the contents of literary reflections change radically. After many calamities in the universe of the novel remains the only Book around which the characters try to gather: the Apocalypse. The Apocalypse in *The Possessed* is indeed a Book in the book, and we can see how the novel's characters strive to understand its message and accept it.

Keywords: Dostoevsky, *The Possessed*, passion of being an author, characters-readers, experience of being a reader, well-thumbed books, Apocalypse, Book in the book.

For citation: Saraskina, L.I. "Characters-Readers in Dostoevsky's Novel *The Possessed*. The Sad Triumph of the Apocalypse." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (24), 2023, pp. 172–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-172-201>

Вы, маточка, мне книжку какую-то хотели, ради скуки, прислать. А ну ее, книжку, маточка! Что она, книжка? Она небылица в лицах! И роман вздор, и для вздора написан, так, праздным людям читать...

Ф.М. Достоевский. Бедные люди
[Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 70].

И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил Его и обрадовался любви моей — возможно ли, чтоб Он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль?

Ф.М. Достоевский. Бесы
[Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 505].

В разгар работы над своим первым романом Достоевский писал старшему брату, Михаилу Михайловичу: «Ты, может быть, хочешь знать, чем я занимаюсь, когда не пишу, — читаю. Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 108].

Выражение «страшно читаю» убедительнее всего свидетельствовало о запойном, сверхнасыщенном, всепоглощающем чтении начинающего автора, переживаемом им как живая жизнь. Высокий градус читательского вдохновения, шедевры литературы, которые заполняли воображение Достоевского и задавали масштаб личным переживаниям, очень рано позволили ему считать себя *гражданином литературы*. Еще не став писателем, юноша сформулировал для себя цель литературных занятий: «<...> поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, следовательно, исполняет назначение философии. Следовательно, поэтический восторг есть восторг философии... Следовательно, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 54].

Одноклассник Достоевского по Инженерному училищу Дмитрий Григорович, вспоминал: «Достоевский во всех отношениях был выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня. То, что сообщал он о сочинениях писателей, имя которых я никогда не слышал, было для меня откровением. До него я и большинство остальных наших товарищей читали лишь специальные учебники

и лекции, и не только потому, что посторонние книги запрещалось носить в училище, но и вследствие общего равнодушия к литературе» [Григорович, 1964, с. 127].

Диапазон литературных интересов и репертуар чтения семнадцатилетнего юноши ошеломительны. «Ну ты хвалишься, что перечитал много... но прошу не воображать, — уверял он брата, своего постоянного в те годы корреспондента, — что я тебе завидую. Я сам читал в Петергофе по крайней мере не меньше твоего. Весь Гофман русский и немецкий (то есть непереуевенный “Кот Мурр”), почти весь Бальзак (Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека). “Фауст” Гете и его мелкие стихотворенья, “История” Полевого, “Уголино”, “Ундина” (об “Уголино” напишу тебе кой-что-нибудь после). Также Виктор Гюго, кроме “Кромвеля” и “Гернани»» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 51]. И это перечень прочитанного только из одного письма — а таких перечней было в переписке братьев немало.

Нельзя не вспомнить и книжные просьбы Достоевского, когда он вышел из каторжного острога — они впечатляют еще больше. «Пришли мне Коран. “Critique de raison pure”¹ Канта и если как-нибудь в состоянии мне переслать не официально, то пришли непременно Гегеля, в особенности Гегелеву “Историю философии”. С этим вся моя будущность соединена!» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 173]. Подобные просьбы шли всё долгое время ссылки. «А теперь попрошу у тебя книг, — писал он Михаилу Михайловичу Достоевскому из Семипалатинска. — Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски). Наконец, Коран и немецкий лексикон. Конечно, не всё вдруг, а что только можешь. Пришли мне тоже физику Писарева и какую-нибудь физиологию (хоть на французском, если на русском дорого). Издания выбирай дешевлеишие и компактные. Не всё вдруг, помаленьку. Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища!» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 179].

С самых первых опытов чтения в сознании Достоевского стихийно определились различия понятий *начётчик* и *читатель*.

¹ «Критику чистого разума» (франц.).

Начётчик — если речь идет о нерелигиозном понимании термина² — механический потребитель прочитанного, отличающийся неразборчивостью и неразвитостью вкуса, воспринимающий тексты машинально, некритически, нетворчески, усваивающий их поверхностно. Таких среди персонажей произведений Достоевского не окажется, он таких не упоминал.

Читатель — адресат литературного произведения, участник литературного процесса, собеседник в диалоге, который ведет с ним писатель; человек, умеющий думать и переживать вместе с героями, чувствовать эпоху и ситуацию в сюжете.

Статус читателя отменно характеризует всякого человека — чтение (запойное или равнодушное, медленное или скорое, страстное или рассудочное) лежит в основе всякого творчества, ибо являет собой первичное состояние личности. Качество и диапазон чтения определяют уровень развития человека, его внутреннее содержание. Всякий творец нового, в частности, всякий писатель рождается из читателя, но став писателем, он пожизненно остается и читателем. И это не гипотеза, это аксиома.

Читательство — занятие, по своему исключительному бескорыстию, уникальное. Читатель не ждет от чтения никаких выгод для себя, прочитанная книга — любая! — не сулит никаких материальных благ, не гарантирует никаких общественных наград, не формирует социальный статус. И если писательство немислимо без необходимого творческого эгоизма, без честолюбивых планов и надежд на успех, без осторожных (и прощительных!) соображений о тиражах, гонорарах, переводах на иностранные языки, а также о посмертной славе, то читателю чужды и эгоизм, и честолюбие, и жажда славы. Только новое знание, только пережитое волнение, только то самое, пушкинское:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь <...>
[Пушкин, 1978, с. 308–309].

Читательство как добровольное занятие, как духовная потребность не зависит от возраста, профессии, житейского опыта. Совсем

² *Начётчик* в церковном значении термина — мирянин, допущенный к чтению священных текстов в церкви или на дому у верующих. У старообрядцев — человек, начитанный в богословских и церковных книгах.

не обязательно, чтобы всякий читатель, даже самый искушенный, во что бы то ни стало хотел (и мог!) стать писателем: само по себе читательство не содержит обязательной нацеленности на превращение читающего человека в писателя. Присутствует ли в каждом читателе потенциальный писатель — большой вопрос из области психологии, из таинственных сфер природы творчества. Рождение писателя из читателя вовсе не подобно рождению бабочек (чешуекрылых) из личинок и куколок.

Но такой читатель как Достоевский, в ком соблазн творчества, жгучая потребность в самовыражении виделись именно в сочинительстве, в писательстве, воспринимал прочитанные книги с точным прицелом. Он видел в чтении, кроме высокого наслаждения, и еще один мощный ресурс. «Что-нибудь, давно перечитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во всё, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 108]. Извлечение из прочитанных книг *умения создавать* — такова была читательская стратегия молодого Достоевского: с точки зрения человека пишущего чтение — это еще и способ обучения словесному мастерству у собратьев по перу. Он признавался: «Учиться “что значит человек и жизнь”, — в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 63].

И вот уже герой первого романа, немолодой переписчик бумаг Макар Алексеевич Девушкин, чей «слог теперь формируется» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 108], признается возлюбленной в своей горячей любви к литературе: «А хорошая вещь литература, Варенька, очень хорошая; это я от них (жильцов-сочинителей. — Л.С.) третьего дня узнал. Глубокая вещь! Сердце людей укрепляющая, поучающая, и — разное там еще обо всем об этом в книжке у них написано. Очень хорошо написано! Литература — это картина, то есть в некотором роде картина и зеркало; страсти выраженье, критика такая тонкая, поучение к назидательности и документ» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 51].

Девушкин, не написавший пока ничего, кроме длинных писем, книги читает совершенно по-писательски, примериваясь к ним как к своему родному делу. «Читаешь — словно сам написал, точно это, примерно говоря, мое собственное сердце». Или: «И я так же бы написал; отчего же бы и не написал?». Или еще прямее: «Я бы,

например, так сделал <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 59, 63]. В своих мечтах он видит себя поэтом, автором своей дебютной книги «Стихотворения Макара Девушкина».

Первый роман Достоевского полностью подтверждал правоту его героя: как литература «Бедные люди» были и картиной, и зеркалом, и тонкой критикой, и поучением к назидательности, и документом. В особенности же документом: тяга к литературному творчеству, страстная надежда на призвание, подвижнический труд автора-дебютанта зафиксированы в «Бедных людях» документально — в виде «чужих рукописей». Персонажи романа помещены в самую безудержную, запойную стихию сочинительства — стихию эпистолярную; на каждое письмо требуются долгие часы, и это в полном смысле тяжелый литературный труд.

В большей или меньшей степени жажда сочинительства проникнет позднее во все произведения Достоевского — там действуют рассказчики, повествователи, хроникеры. Треть всего им написанного, а точнее — четырнадцать художественных произведений³ — это так называемые «чужие рукописи» — «записки», «воспоминания», «летописи», «хроники».

Многочисленная группа литераторов (их насчитывается около пятидесяти) — это сочинители-персонажи, авторы различных текстов: они сочиняют романы и повести, стихотворения и поэмы, переводы и трактаты, басни и притчи, разборы и рецензии, шутки и эпиграммы, романсы и сатирические куплеты, пасквили и доносы, не говоря уже о письмах и записках.

В произведениях Достоевского действует и буйствует мощная стихия литературного творчества, владеющая его персонажами; бушует своего рода литературная эпидемия, которой захвачены и бездарные, и талантливые сочинители. Их судьбы попадают в причудливую зависимость от судьбы созданных рукописей — от того, зачем, почему и когда они были написаны [Сараскина, 1990, с. 72–129].

³ См.: «Честный вор», «Елка и свадьба», «Белые ночи», «Маленький герой», «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья», «Игрок», «Бесы», «Подросток», «Бобок».

I

За романом-хроникой «Бесы» давно и справедливо закрепилась репутация самого литературного романа писателя, о чем свидетельствуют прежде всего герои-сочинители и их сочинения.

Мне уже приходилось писать об уникальной профессиональной демографии этого романа: две трети его персонажей — 20 человек — литераторы, сочинители. Это примерно треть всех героев-«авторов» у Достоевского, а их совокупные тексты (антология «Бесов» насчитывает около 25 рукописей и публикаций) намного превышает число «чужих сочинений» любого другого произведения писателя [Сараскина, 1990, с. 115].

Так, в «Преступлении и наказании» действующими сочинителями оказываются Раскольников (статья) и Разумихин (переводы), в «Идиоте» — Келлер (пасквиль) и Ипполит (исповедь)⁴, в «Подростке» — Аркадий и Крафт (дневники). И даже «Братья Карамазовы» с шестью литераторами и их одиннадцатью текстами сильно уступают в этом отношении «Бесам».

Тема сочинительства достигает здесь своего наивысшего развития.

Таинственные сферы, где решается судьба книг и их авторов; инстанции, которые санкционируют гонения на литературу; заграничные запрещенные издания, литературные салоны Москвы и Петербурга, новые идеи «всеобщего движения», публичные литературные собрания и домашние литературные вечера — все это придает «Бесам» совершенно особый, специфический колорит. Герои Достоевского впервые попадают в самую гущу литературной жизни, познают ее быт, нравы, знакомятся со столичными сочинителями-профессионалами.

Однако повальное увлечение литературой не проходит даром для персонажей «Бесов». Едва ли не все сочинители, как и их рукописи, терпят фиаско, переживают позор поражения, имеют общую плачевную судьбу.

Не удалась издательская деятельность Варваре Петровне Ставрогиной, не случилось литературное предприятие Лизы Тушиной; не успела открыть переплетные мастерские Мария Шатова. С треском проваливаются литературные затеи Юлии Михайловны

⁴ В романе «Идиот» фигурируют также и «записки» генерала Иволгина, о существовании которых известно только от него самого, выдумщика и фантазера. См.: [Подосокорский, 2009, 2011].

фон Лембке: осмеяна повесть писателя Кармазинова «Мерси», поиздевался над романом губернатора Андрея Антоновича фон Лембке Петр Верховенский, освистано «последнее слово» Степана Трофимовича Верховенского, изгнан со сцены лектор-«маньяк», позоривший со сцены Россию. Жалкой аллегорией окажется «кадриль литературы», доконавшая губернатора, «лебединой песней» поэта Игната Тимофеевича Лебядкина станет его стихотворение «Гувернантке», самочинно открывшее литературный праздник. Забудет свои повести Марья Тимофеевна Лебядкина, не допишет статью о самоубийстве Алексей Нилыч Кириллов, не воспользуется предложением Лизы Тушиной о литературном сотрудничестве Иван Павлович Шатов, навсегда останется в земле, у грота в парке Скворешников, подпольная типография, так никем и не вырытая. Фатальная неудача с текстом исповеди, не ставшей покаянием, постигнет Николая Всеволодовича Ставрогина, и бессильным чем-либо помочь окажется «рецензент» архиерей на покое Тихон. Скорбным списком неосуществленных планов и замыслов, реквиемом по несбывшимся надеждам, мариологом безвременно погибших сочинителей предстанет итог литературной жизни в «Бесах»: причастность к литературе дорого обойдется героям-сочинителям.

II

В черновых вариантах к роману «Бесы» есть такой фрагмент: «Грановскому говорят: “Наше поколение было слишком литературное. В наше время действующий (передовой) человек мог быть только литератором или следящим за литературой. Теперь же поколение более действующее”» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 102].

Обратимся к этой второй ипостаси так называемого «передового человека» и рассмотрим статус «следящего за литературой». В «передовом человеке, следящем за литературой» всегда хочется видеть не полицейского следователя, не официального цензора или придирчивого критика-обличителя, но активного читателя. Ведь всё, что написано одними, читается другими, и совершенно очевидно, что наряду с сочинителями (союзом сочинителей) роман «Бесы» населяют выдающиеся читатели (союз читателей): это они выпи-сывают, читают и обсуждают книги, русские и зарубежные, у иных хранится запрещенная литература — «Думы» Рылеева, заграничные издания Герцена — их найдут при обыске у Степана Трофимовича Верховенского и подвергнут аресту.

Сошлюсь на авторитетного специалиста по семиотике, известного итальянского писателя и философа Умберто Эко, показавшего в работе «Роль читателя» (первоначальное название итальянской версии книги — «Lector in fabula»), в какой степени читатель участвует в сотворении книги, а ее автор в сотворении самого читателя. «Читатель текста знает, что каждое предложение и каждый троп “открыты” для разных смыслов, которые он, читатель, должен искать и находить. В зависимости от своего собственного состояния в данный конкретный момент читатель может выбрать один из возможных интерпретационных ключей — тот, который представляется ему подходящим для данного духовного состояния. Он, читатель, может *использовать* произведение согласно избранному смыслу (как бы призывая данное произведение к жизни заново, по-иному, не так, как это было при предшествующем чтении)» [Эко, 2016, с. 116].

Читательская стратегия реального человека и типичное поведение читателя-персонажа художественного произведения одинаковы в праве выбора смыслов и интерпретаций.

Характер чтения персонажей «Бесов» трудно назвать одержимостью. Они читают не запойно, а чаще всего «для дела», для того чтобы осмыслить свою житейскую ситуацию, сопоставив ее с сюжетом и характерами той или иной книги.

Варвару Петровну Ставрогину с большой натяжкой можно назвать любительницей Шекспира. Но когда она услышала, что Степан Трофимович сравнивает буйное поведение ее сына Николая с юностью принца Гарри, кутившего с Фальстафом, Пойнсом и мистрис Квикли, описанную у Шекспира, она «очень прислушалась, велела растолковать себе подробнее, сама взяла Шекспира и с чрезвычайным вниманием прочла бессмертную хронику. Но хроника ее не успокоила, да и сходства она не так много нашла» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 36].

Пристрастное чтение исторической хроники Уильяма Шекспира «Генрих IV» (1598) не помогло; ее сын Nicolas — не принц Гарри, он другой, и она продолжала бояться и его, и за него, предчувствуя опасность, ожидая чего-то страшного...

Варвара Петровна вновь прибегнет к Шекспиру, когда познакомится с младшим Верховенским, Петрушей. На этот раз она обратится к трагедии «Гамлет». Ей мечтательно захочется, чтобы «всегда подле Nicolas <...> находился тихий, великий в смирении

своим Горацио <...>. Но у Nicolas никогда не было ни Горацио, ни Офелии. У него была лишь одна его мать, но что же может сделать мать одна и в таких обстоятельствах?» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 151].

Шекспир здесь выступает как *поучение к назидательности* и *использован* для решения внутрисемейных задач, не имеющих к исторической хронике великого английского драматурга никакого отношения. Другое дело генеральша Прасковья Ивановна Дроздова. Лиза, ее дочь, говорит о матери: «Она очень хорошо про Шекспира знает. Я ей сама первый акт “Отелло” читала; но она теперь очень страдает» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 102]. Для болезненной, раздражительной и язвительной генеральши такое отношение к мировому классическому, да еще столь оригинально выраженное («очень хорошо *про Шекспира* знает»), весьма неожиданно. Значит, пятидесятилетняя дважды вдова (моложавый Хроникер видит в ней только вздорную старуху), повсюду сопровождаемая «скверной, старой, маленькой собачонкой Земиркой» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 102], знает и Шекспира, и про Шекспира, то есть много, подробно и, вероятно, еще с молодых лет, со времен пребывания в благородном пансионе, где они воспитывались вместе с Варварой Петровной Ставрогиной.

Первый акт трагедии Шекспира «Отелло», который Лиза вслух читает матери, по-видимому, по ее просьбе и, конечно, в русском переводе⁵, здесь более чем уместен: дочь сенатора Брабанцио Дездемона тайно, без отцовского благословения, вышла замуж за благородного мавра, состоявшего на службе венецианского дожа. Сенатор, однако, не верит, что выбор дочери доброволен: в его окружении мавра считают черномазым толстогубым чертом, которого нельзя, невозможно любить. И Прасковья Ивановна точно так же, как сенатор Брабанцио, переживает за судьбу своей единственной дочери, попавшей на крючок опасных увлечений и в омут сумасшедших страстей.

Как окажется, материнское сердце болело не зря: жизнь Лизы закончится так же рано и так же трагично, как и жизнь молодой супруги мавра. Первый акт трагедии «Отелло», который слушает

⁵ Ко времени работы над романом «Бесы» Достоевскому могли быть знакомы по крайней мере два перевода на русский язык трагедии Шекспира «Отелло»: [Шекспир, 1845], [Шекспир, 1864].

Прасковья Ивановна в исполнении дочери, — тревожный сигнал бедствия, первый звонок⁶.

Упоминание персонажем того или иного литературного произведения совсем не всегда свидетельствует о его читательской квалификации или личных склонностях. Фальшиво утешающий Лизу Тушину после ночи, проведенной ею со Ставрогиным в Скворешниках, Петр Верховенский говорит: «Знаете, Лизавета Николаевна, читали вы “Полиньку Сакс”?»

— Что такое?

— Есть такая повесть, “Полинька Сакс”. Я еще студентом читал... Там какой-то чиновник, Сакс, с большим состоянием, арестовал на даче жену за неверность... А, ну, черт, наплевать!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 409–410].

Вряд ли успокоила бы Лизу повесть А.В. Дружинина, написанная под влиянием Жорж Санд и модных в те поры идей женской эмансипации. Петр Степанович кривляется, понимая, что эмансипацией здесь не пахнет: ведь даже Ставрогин, фигурант ночного любовного свидания, *оставивший мгновение за собой*, безжалостен к Лизе, возлюбленной на час: «Лиза, бедная, что ты сделала над собою? <...> Зачем, зачем ты пришла ко мне? <...> Зачем ты себя погубила, так уродливо и так глупо, и что теперь делать?» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 401].

Вообще в устах Петра Верховенского все книжные упоминания звучат если не фальшиво и без издевки, то формально и безлично. Убывая из потрясенного беспорядками города, он захватил в дорогу «свой сак, плед, книгу». Автор хроники обходится без уточнений — «книга» названия не имеет, она такой же безымянный и бездушный предмет, как плед; его берут в поезд на случай, если в вагоне будет холодно, «книгу» берут, если заняться в дороге будет совсем нечем. Но автор предусмотрителен — нет смысла называть книгу, ведь пассажир все равно не взглянет на нее все восемь часов дороги: из второго класса приятнейшие попутчики пригласили Петрушу в первый класс, куда он и переберется «с величайшей готовностью». Намечается партия в ералаш, который Петруша «ужасно любит в вагоне» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 479–480] — до книги ли ему, с названием она или без него...

⁶ О влиянии Шекспира на роман Достоевского «Бесы» см.: [Криницын, 1998, с. 161–173], [Kovalevskaya, 2014, p. 72–88].

Да и что захочет он читать нынче? В юности, студентом петербургского университета, он, как и все прилежные сокурсники, читал много, кое-что еще помнил, но теперь его уровень — это листовки, прокламации, анонимные доносы, протестные стишки да еще рукопись Шигалева — толстая и чрезвычайно мелко исписанная тетрадь, содержимое которой Петруша зловеще расхваливает, а самого Шигалева называет «гением вроде Фурье; но смелее Фурье, но сильнее Фурье» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 322]. Петруша вдоволь посмеется над романом губернатора Лембке, про который соврет, что потерял, потом соврет, что нашел, ибо и не терял; сделает вид, что прочитал, хотя понятно, что заглянул одним глазом, для вида. «Читателя очаруете, потому что даже я оторваться не мог, да ведь тем сквернее. Читатель глуп по-прежнему, следовало бы его умным людям расталкивать <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 271].

«Великий писатель» Семен Егорович Кармазинов, опрометчиво надеясь получить от Петра Степановича лестный отзыв о своей новой повести «Mergis», тоже вручил ему рукопись, но критик был груб, насмешлив и небрежен: забыл, перепутал название, не читал.

«— Ах, это про эту “Bonjour”, что ли...»

Слышать такое о драгоценной рукописи, название которой Петруша нарочито пародирует, Кармазинову невыносимо.

«— Вы, кажется, не так много читаете? — прошипел он, не вытерпев.

— Нет, не так много.

— А уж по части русской беллетристики — ничего?

— По части русской беллетристики? Позвольте, я что-то читал... “По пути”... или “В путь”... или “На перепутье”, что ли, не помню. Давно читал, лет пять. Некогда» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 285–286].

Любое упоминание книг или книжных героев обязательно добавляет новую краску персонажу — или ярко иллюстрирует уже сказанное о нем прежде. Так, Липутин, член кружка Степана Трофимовича, отъявленный либерал и злоязычный сплетник, умел на обществе потрафить сразу всем. Так, на обидную реплику Степана Трофимовича: «Я и всех русских мужичков отдам за одну Рашель», — Липутин «тотчас же согласился, но заметил, что покривить душой и похвалить мужичков все-таки было тогда необходимо для направления; что даже дамы высшего общества заливались слезами, читая “Антон Горемыку”, а некоторые из них так даже из

Парижа написали в Россию своим управляющим, чтоб от сей поры обращаться с крестьянами как можно гуманнее» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 31–32].

Роман Дмитрия Григоровича, близкого друга Достоевского по Инженерному училищу, вышедший в 1848 году, сразу был занесен властями в список самых опасных публикаций года, наряду со статьями Белинского и Герцена. Липутин же, с ходу выдумав жалостный сюжет о сердобольных дамах высшего общества, сознательно смягчает эффект, который произвел «Антон Горемыка» на литературных собратьев, в частности, на писателей из круга журнала «Современник» [Анненков, 1928, с. 444–445].

III

Само существование книги или книг в местах проживания персонажей — в их случайных комнатах, кабинетах, гостиных — служит порой поводом для большого разговора о развитии общества в Российской империи. Иван Шатов, в нищей и холодной комнате которого висели на стене три полки с книгами, достаёт с верхней полки револьвер, но не книгу. Он скажет вернувшейся к нему жене, надеющейся открыть у них в городе переплетную мастерскую: «У нас и книг-то не читают, да и нет их совсем. Да и станет он книгу переплетать?» «Почему здешний житель или читатель не станет переплетать?» — спросит его Marie с раздражением. «Потому что читать книгу и ее переплетать — это целых два периода развития, и огромных. Сначала он помаленьку читать приучается, веками разумеется, но треплет книгу и валяет ее, считая за несерьезную вещь. Переплет же означает уже и уважение к книге, означает, что он не только читать полюбил, но и за дело признал. До этого периода еще вся Россия не дожила. Европа давно переплетает» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 441–442].

Наверняка Шатов был прав, если имел в виду всё тогдашнее население Российской империи — миллионы ее неграмотных крестьян или малограмотных городских простолюдинов. Но центральные герои «Бесов» — губернские дворяне, обучавшиеся в столичных университетах (Ставрогин окончил курс в Петербургском Императорском Александровском лицее), и образованные разночинцы — читать умеют и любят, книгу уважают. У иных есть книги любимые, даже настольные. То есть те неслучайные книги, которые они читают *сегодня*, к которым возвращаются и перечитывают.

Настольная книга часто служит подсказкой, дополнительным авторским комментарием к образу персонажа. Так, на столе Марьи Тимофеевны Лебядкиной вместе с деревенским зеркальцем, старой колодой карт и немецкой белой булочкой лежала «истрепанная книжка какого-то песенника»; позже «явились две книжки с раскрашенными картинками, одна — выдержки из одного популярного путешествия, приспособленные для отроческого возраста, другая — сборник легоньких нравоучительных и большею частью рыцарских рассказов, предназначенный для елок и институтов. Был еще альбом разных фотографий» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 114, 214]. В этом перечне нет ничего неожиданного; домашняя библиотечка вполне вписывается в облик Хромоножки.

Но зато какой сюрприз ждет читателей романа в кабинете губернатора фон Лембке: «Машинально развернул он лежавшую на столе толстую книгу (иногда он загадывал так по книге, развертывая наудачу и читая на правой странице, сверху, три строки). Вышло: “Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles”. Voltaire, “Candide”» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 340–341]. «Всё к лучшему в этом лучшем из возможных миров!» Вольтер, «Кандид», про-французски!

Но зачем нужно губернатору фон Лембке, благонамеренному карьерному чиновнику, держать на своем письменном столе книгу опасного французского философа, насмешника и вольнодумца? Это ведь Достоевский всю жизнь остро им интересовался, высоко ценил, полагая, что Вольтер, наряду с Пушкиным, Гоголем, Мольером, приходил в мир «сказать свое новое слово» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 69]. Автор «Бесов» и сам намеревался написать «Русского Кандида», см.: [Сараскина, 2016, с. 113–125].

Но для Лембке, с его девичьим ритуалом гадать на судьбу по толстым книжкам, «Кандид, или Оптимизм» должен был казаться чтением пугающе противопоказанным. Или он, немец, *потихоньку* сочиняя роман на русском языке, примеривался к философской повести Вольтера для собственных творческих целей?

О романе Андрея Антоновича фон Лембке, который (вместо неприличных для губернского чиновника забав с клеенными бумажными поделками) ему *позволила* писать супруга Юлия Михайловна, известно немного, и то только по кривому пересказу наглеца и пересмешника Петруши Верховенского. «И сколько юмору у вас напихано, хохотал. Как вы, однако ж, умеете поднять на

смех sans que cela paraisse!⁷» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 271]. Неужели роман Лембке — это амбициозная попытка непризнанного автора подражать Вольтеру, следуя его бесподобным сатирам и сарказмам? Какие новые горизонты образа губернатора, втихаря пишущего сатирические романы, приоткрывает его настольная книга!

В библиотеке архиеерея на покое Тихона, составленной «слишком уж многообразно и противоположно», «рядом с сочинениями великих святителей и подвижников христианства находились сочинения театральные, “а может быть, еще и хуже”» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 7]. Что может быть хуже театральных сочинений в библиотеке монашествующего — вопрос отдельный, как и вопрос о книге, которая лежит на столе у Тихона: «Это было одно объемистое и талантливое изложение обстоятельств последней войны, не столько, впрочем, в военном, сколько в чисто литературном отношении» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 8]⁸.

Читателям «Бесов» удастся бросить взгляд и на письменный стол Николая Ставрогина в его кабинете, куда вошел Петр Верховенский. «Что это, я книгу уронил, — нагнулся он поднять задетый им кипсек. — “Женщины Бальзака”, с картинками, — развернул он вдруг, — не читал. Лембке тоже романы пишет» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 180].

Здесь стоит задержаться. На столе Ставрогина — роскошное иллюстрированное издание (если удастся присмотреться — можно разглядеть золотой обрез страниц с трех сторон, цельнокожаный переплет, золотое тиснение по корешку). Неведомо, зачем понадобилась Николаю Всеволодовичу книга о женщинах «за тридцать» — все женщины, с которыми по роману «Бесы» связан Ставрогин, много моложе, им едва за двадцать. Неизвестно, читает ли Ставрогин очерки о женщинах в книге-альбоме (их четырнадцать) или только перелистывает страницы, любуясь изображениями дам большого света, хорошеньких камеристок или знаменитых куртизанок. Изданий «Женщин Бальзака» на русском языке середины XIX столетия

⁷ не подавая вида (франц.).

⁸ Резонно предположить, что под «последней войной» подразумевается Крымская военная кампания, а под ее талантливым в литературном отношении описанием — «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого (об этом шла речь в нашем докладе «Генерал Ардалион А. Иволгин: история о тринадцати пулях» на XLVIII конференции «Достоевский и мировая культура» (9–11 ноября 2023)).

обнаружить не удалось, их и не было; но по-французски книга «Женщины Оноре Бальзака: типы, характеры и портреты», иллюстрированные четырнадцатью портретами, выгравированными на стали по рисункам Густава Сталя, вышла в парижском издательстве Луи Жане в 1851 году, через год после смерти Бальзака (1850) [Les femmes de H. de Balzac, 1851]. Предисловие (биографический очерк) принадлежит писателю Полю Лакруа (Paul Lacroix, 1806–1884, псевдоним «Библиофил Жакоб»), авторство текстов – Лоре Сюрвиль (Surville Laure, 1800–1871).

То есть, кипсек с портретами женщин Бальзака – это не выдумка автора романа «Бесы», это реальная книга – настолько реальная, что она до сих пор успешно переиздается в разных форматах, а ее первое, раритетное издание в прекрасном состоянии выставляется как лот на российских интернет-аукционах, с указанием начальной ставки [Книга «Les femmes de H. de Balzac» XIX в., 2022].

Где и при каких обстоятельствах увидел кипсек Достоевский, переводчик романа Бальзака «Евгения Гранде» (1843), неизвестно. Среди книг личной библиотеки писателя издание «Les femmes...» не значится [Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005, с. 210–211]. Одно несомненно: писатель мог не только рассмотреть прекрасные женские лица на портретах, но и прочесть очерки: «La Fosseuse», «M-me de Langeais», «Pierrette», «Modeste Mignon», «Les Filles du père Goriot», «M-me de Mortsauf», «M-me de Grandville», «M-lle Guillaume», «Pauline», «M-me Marneffe», «Marguerite Claës», «Véronique», «Eugénie Grandet», «Armande d'Esgrignon», «Séraphita» [Les femmes de H. de Balzac, 1851].

Кто они, эти женщины? Оказывается, это вовсе не подруги, жены или возлюбленные Бальзака, а его литературные героини, одну из которых зовут Евгения Гранде. Писательница Лора Сюрвиль, урожденная Лора Бальзак, младшая сестра писателя, его верный друг и автор воспоминаний о своем гениальном брате, разместила в книге-альбоме оригинальные очерки о женских образах его художественных произведений [Les femmes de H. de Balzac, 1851].

Итак, настольная книга Ставрогина – это не компрометирующий намек автора на особый интерес Николая Всеволодовича по дамской части⁹, а дань любви к французскому классику

⁹ Как выразился по адресу Ставрогина Липутин: «<...> мотыльки и храбрые петушки! Помещики с крылушками, как у древних амуров, Печорины-сердцееды!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 80].

самого Достоевского — любви, которую, согласно тайному замыслу автора, быть может, разделял и герой «Бесов»: ведь ему предложено изучать почти литературоведческое исследование (сегодня подобный труд назывался бы «Женские образы в творчестве Бальзака»). Тот факт, что Достоевский сделал Николая Ставрогина читателем *такой именно книги*, свидетельствует, на наш взгляд, о любви писателя к своему герою еще и как пылкого читателя к пылкому читателю. Признание: «Я <...> слишком давно уже хочу изобразить его. <...> Я из сердца взял его» [Достоевский, 1972–1990, т. 29₁, с. 142] — получает, кажется, новые краски.

IV

С огромным почтением назову персонажа, чей читательский багаж не ограничивается одной-двумя книгами и чей опыт чтения показан в развитии. Степан Трофимович Верховенский — самый образованный и самый читающий герой романа «Бесы». Вынуждена оставить в стороне многочисленные имена, которые он упоминает: Гёте, Жорж Санд, Диккенс, Фурье, Гоголь и многие другие. Не станем упрекать Степана Трофимовича за то, что он берет с собой в сад книгу французского политического деятеля Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», а «в кармашке несет спрятанного Поль де Кока» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 19]. Книго-маскировка (этому читательскому приему можно было бы посвятить отдельный рассказ) не осталась незамеченной, и Варвара Петровна не удержалась уколоть его: «<...> вы читаете одного только Поль де Кока и ничего не пишете, тогда как все они там пишут; всё ваше время уходит на болтовню» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 51].

Но упрек несправедлив: Степан Трофимович, будучи талантливым педагогом, брался читать семнадцатилетней Дарье Шатовой обширный курс лекций по истории русской литературы, начиная с древней, и готовился к разбору «Слова о полку Игореве». Даша была в восторге от первой же увлекательной лекции, однако Варвара Петровна ревниво прекратила занятия. А еще раньше он рассказывал маленькой Лизе Тушиной об устройстве мира, и его лекции о первобытных народах и о первобытном человеке «были занимательнее арабских сказок». «Лиза млела за этими рассказами» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 59], равно как и за рассказами

о принце Гамлете, об открытии Америки Колумбом [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 87]¹⁰.

Теперь же на столе Степана Трофимовича лежит исторический роман Виктора Гюго «L'Homme qui rit» («Человек, который смеется»). То есть Степан Трофимович, имеющий привычку истинного ценителя литературы следить за новинками, выписал и получил по почте французский бестселлер — роман Гюго, написанный в 1860 году, вышел в Париже в апреле 1869-го, за пять месяцев до того самого сентября, когда началось действие романа «Бесы».

Позже Степан Трофимович достанет из книжного шкафа и начнет изучать роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» — он давно прочитал роман, но возвращается к нему снова и снова, для одной лишь цели — при случае «несомненного столкновения» дать бой *катехизису* оппонентов. «О, как мучила его эта книга! Он бросал иногда ее в отчаянии и, вскочив с места, шагал по комнате почти в исступлении. <...> Та же наша идея, именно наша; мы, мы первые насадили ее, возрастили, приготовили, — да и что бы они могли сказать сами нового, после нас! Но, Боже, как всё это выражено, искажено, исковеркано! — восклицал он, стуча пальцами по книге» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 238].

Суждения Степана Трофимовича о книгах, писателях и персонажах ярки, экспрессивны и полны литературных аллюзий; так, Прасковья Ивановна Дроздова — это «злая Коробочка, задорная Коробочка и в бесконечно увеличенном виде» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 97]. Его отношение к писателям-современникам пристрастно, ревниво-придирчиво: «Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе <...>. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 171].

Но поразительно, как меняются тон и содержание его литературных рефлексий по мере сгущения событий и по пути движения к катастрофе. Степан Трофимович, в доме которого ретивый чиновник Блюм произвел обыск, арестовал книги и рукописи, готовится к последнему и решающему сражению — идет к губернатору Лембке

¹⁰ Согласно подготовительным материалам, первоначально Степан Трофимович (прежде — «Грановский») сообщал Губернатору, что собирается читать в городе лекции о Шекспире: «Я приступил к лекциям о Шекспире и начал с “Отелло”, исходя из твердого убеждения, что литературный разбор “Отелло” не может повести непосредственно к бунту» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 162].

требовать свои права. Внезапно он просит Настасью, свою служанку, зажечь лампадку перед образом в углу. «Лампадки прежде никогда не бывало, а теперь вдруг явилась», — удивленно замечает Хроникер. «<...> quand on a de ces choses-là dans sa chambre et qu'on vient vous arrêter¹¹, то это внушает, и должны же они доложить, что видели...» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 329].

То есть лампадка зажжена пока только для вида, в служебных целях — чтобы те, кто придет арестовывать, увидели ее и убедились в христианском благочестии подозреваемого.

Однако уже спустя час Степан Трофимович меняет мысли: «Сег, — протянул он руку в угол к лампадке, — сег, я никогда этому не верил, но... пусть, пусть! (Он перекрестился)» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 334]. Это был импульсивный порыв слабейшего человека в опасной ситуации к лампадке как к последнему средству, как к прибежищу, вдруг поможет. Так же внезапно, буквально в те же дни и часы, прозревает и губернатор фон Лембке: «Догадавшись, что сгупил свыше меры, — расвирепел до ярости и закричал, что “не позволит отвергать Бога”; что он разгонит ее (Юлии Михайловны. — Л.С.) “беспардонный салон без веры”; что градоначальник даже обязан верить в Бога, “а стало быть, и жена его” <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 339].

Литературный праздник в честь гувернанток губернии, на котором были услышаны сочинения выступающих — наглое, развязное стихотворение Лебядкина в исполнении Липутина, повесть «Мерси» Кармазинова («два печатных листа самой жеманной и бесполезной болтовни» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 366]), скандальные устные выступления Степана Трофимовича Верховенского и еще одного лектора-«маньяка», а также бездарная и пресная «литературная кадрили» — положили конец праздным книжным увлечениям героев романа. После злодейски устроенного пожара, убийств и смертей в пространстве романа остается одна-единственная Книга, вокруг которой его герои пытаются объединиться, пока их роковое время еще не пришло. Радикально меняется лексика персонажей. Лиза, проведя ночь со Ставрогиным и услышав, что убиты и зарезаны Лебядкины, спрашивает у него: «Николай Всеволодович, скажите как пред Богом, виноваты вы или нет, а я, клянусь, вашему

¹¹ когда у тебя в комнате такие вещи и приходят тебя арестовать (франц.).

слову поверю, как Божьему, и на край света за вами пойду, о, пойду! Пойду как собачка...» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 407].

Начал проповедовать Бога с подачи Кириллова даже разбойник Федька Каторжный. Обращаясь к ненавистному Петру Верховенскому, он с вызовом произносит: «Алексей Нилыч, будучи философом, тебе истинного Бога, творца создателя, многократно объяснял и о сотворении мира, равно и будущих судеб и преображения всякой твари и всякого зверя из книги Апокалипсиса. Но ты, как бестолковый идол, в глухоте и немоте упорствуешь и прапорщика Эркелева к тому же самому привел, как тот самый злодей-соблазнитель, называемый атеист...» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 428].

Шатов, приветствуя рождение новой жизни, с волнением и восторгом замечает преображение роженицы, своей бывшей жены Марии. «Он говорил ей о Кириллове, о том, как теперь они жить начнут, “вновь и навсегда”, о существовании Бога, о том, что все хороши...» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 453]. Свои отношения с Богом выясняет у образа Спасителя, перед Которым горит лампадка, и сам Кириллов. «Свинство в том, что он в Бога верует, пуще чем поп» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 474], — злобствует Петр Верховенский.

IV

И вот, наконец, последнее странствование Степана Трофимовича, главного книгочeya романа. Судьба посылает ему встречу с книгоношей, продавщицей книг вразнос. Книгоноши могли продавать любые книги, но Софья Матвеевна Улитина, молодая севастопольская вдова, сестра милосердия, работавшая на обороне Севастополя, разносит именно Евангелие, предлагая его желающим по цене в 35 копеек. В ее большом клеенчатом мешке Степан Трофимович видит две красиво переплетенные книжки с вытесненными крестами на переплетах.

Отношение Степана Трофимовича к книгоноше и ее красивым книгам стремительно меняется от минуты к минуте. «Я ничего не имею против Евангелия, и... Я давно уже хотел перечитать...», — говорит он книгоноше и выражает готовность купить один экземпляр за полтинник. Затем припоминает, что «не читал Евангелия по крайней мере лет тридцать и только разве лет семь назад припомнил из него капельку лишь по Ренановой книге “Vie de Jésus”» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 486–487].

Вскоре, в тот же день, он заявляет книгоноше, что охотно сможет продавать эти красивые книжки вместе с ней, и не только продавать, но и проповедовать. «Народ религиозен, c'est admis¹², но он еще не знает Евангелия. Я ему изложу его... В изложении устном можно исправить ошибки этой замечательной книги, к которой я, разумеется, готов отнестись с чрезвычайным уважением» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 491].

Ночью, пережив припадок холеры, а вслед за холерой приступ истерического самоосуждения, он приходит к пониманию, что значит подставить другую «ланиту», — прежде никогда этого не понимал. Все утро он продолжает мечтать — как они вместе пойдут продавать «эти книжки». Наконец просит книгоношу прочитать Евангелие вслух. «Я давно уже не читал... в оригинале. А то кто-нибудь спросит, и я ошибусь; надо тоже все-таки приготовить-ся» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 496].

В его интересе к «этим книжкам» все еще преобладают репутационные цели, желание продемонстрировать «кому-нибудь», если кто спросит, свою благонадежность.

Но вот он услышал Нагорную проповедь. Обессиленный, пребывая в непрерывном восторженном состоянии, Степан Трофимович испытывает сильнейший эмоциональный шок. Едва не теряя сознание, в нечаянном порыве удрученного раскаяния и самообличения, внезапно признается: «Друг мой, я всю жизнь мою лгал. Даже когда говорил правду. Я никогда не говорил для истины, а только для себя, я это и прежде знал, но теперь только вижу... О, где те друзья, которых я оскорблял моею дружбой всю мою жизнь? И все, и все! Savez-vous¹³, я, может, лгу и теперь; наверно лгу и теперь. Главное в том, что я сам себе верю, когда лгу. Всего труднее в жизни жить и не лгать... и... и собственной лжи не верить, да, да, вот это именно!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 497].

И все же перспектива идти по миру вместе с Софьей Матвеевой и с Евангелием внушает Степану Трофимовичу энтузиазм и надежду. Услышав, как замечательно читает книгоноша, он просит ее прочесть еще что-нибудь, на выбор, куда глаз попадет, где *развернется нечаянно*.

Нечаянно развернулось на «Ангеле Лаодикийской церкви».

« — Это что? что? Это откуда?

¹² это установлено (франц.).

¹³ Знаете ли (франц.).

— Это из Апокалипсиса.

— О, je m'en souviens, oui, l'Apocalypse. Lisez, lisez¹⁴, я загадал по книге о нашей будущности, я хочу знать, что вышло; читайте с Ангела, с Ангела...» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 497].

Нельзя не заметить парадоксальную параллель: благонамеренный губернатор фон Лембке гадает на карьерный успех по «Кандиду» Вольтера, а кающийся либерал Степан Трофимович Верховенский *загадывает* по «Откровению Иоанна Богослова» — есть ли у него шанс на совместное будущее с милой сердцу разносчицей Евангелия.

Услышав слова: «Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!», — он испытывает еще большее потрясение. «Это... и это в вашей книге! — воскликнул он, сверкая глазами и приподнимаясь с изголовья. — Я никогда не знал этого великого места! Слышите: скорее холодного, холодного, чем теплого, чем *только* теплого. О, я докажу. Только не оставляйте, не оставляйте меня одного! Мы докажем, мы докажем!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 497–498].

Желание исправить в «этой книге» ее ошибки у него больше не возникает. Он просит прочитать то место о бесах, где они вошли в свиней и все потонули. Он помнил это место с детства; оно было для него камнем преткновения. И только теперь начинает понимать, какое отношение оно имеет к России, к нему самому, к сыну Петруше...

Дистанцию между *продавать* и *проповедовать* Евангелие Степан Трофимович преодолевает за одни сутки, а затем с полным сознанием исполняемого долга исповедуется и причащается. Напрасно беспокоится Варвара Петровна, что, даже и причастившись, он снова вступит в полемику со священником. Символ веры в нем уже был тверд как никогда. «<...> Бог уже потому мне необходим, что это Единственное Существо, Которое можно вечно любить... <...> Мое бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к Нему любви в моем сердце. И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил Его и обрадовался любви моей — возможно ли, чтоб Он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть Бог, то и я бессмертен!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 505].

¹⁴ О, я припоминаю это, да, Апокалипсис. Читайте, читайте (франц.).

Именно Степану Трофимовичу Верховенскому, приживальщику генеральши Ставрогиной, со всеми его грехами, эгоизмом, легкомыслием, бездельем, трусостью поручено произнести главное: «Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться пред безмерно великим». Он успевает осознать необходимость для человека Великой Мысли, Вечной, безмерной Мысли и благословить ее в последние дни и часы своей жизни. Его ранняя смерть — «как-то тихо угас, точно догоревшая свеча» — это счастливая смерть, на руках любившей его женщины, которая достойно похоронит его («могила его в церковной ограде и уже покрыта мраморною плитой» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 506]).

V

«Апокалипсис» в «Бесах» — это, конечно, Книга в книге, и тоже «запечатанная семью печатями» (Откр. 5:1). Не могу сказать, чтобы роман снял с нее все печати: писатели и читатели не ангелы¹⁵. Но можно видеть, как персонажи романа пытаются приблизиться к смыслам Откровения, как пытаются понять их и поверить им. Для одних это Великая книга, для других многие ее мысли — «старые философские места, одни и те же с начала веков», как с «каким-то брезгливым сожалением» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 188] говорит, увы, Ставрогин.

Но вот Николай Всеволодович приходит к старцу Тихону. Не меньше, чем судьба отпечатанных за границей листков его исповеди, предназначенной к повсеместному распространению, Ставрогина волнуют вопросы веры, а главное, те и то, кто и что ею движет. Их бесподобный диалог показывает, насколько слабее Ставрогин своего визави — слабее духовно и психологически. Он злится, тревожится, раздражается, лезет на рожон, грубит. Но вдруг резкого, злобного Ставрогина сменяет другой человек — неслыханно откровенный, обезоруживающе простодушный, духовно бесстрашный,

¹⁵ На Международной научной онлайн-конференции «Книга в книге» (ИМЛИ РАН, 2–4 октября 2023 г.) при обсуждении темы «Апокалипсис» в романе «Бесы», анализируемой в моем докладе, Н.Н. Подосокорский высказал предположение, что, быть может, роман «Бесы» в той же мере книга, помещенная в «Апокалипсис», потенциально живущая внутри него, в какой «Апокалипсис» — Книга, помещенная внутрь романа «Бесы». Несомненно, такое метафорическое предположение (допущение), поддержанное и выступлением Т.А. Касаткиной, проливает новый свет на природу романов Достоевского в их соотношении с Евангельскими текстами. Об Апокалипсисе и феномене книги в книге у Достоевского см. также: [Касаткина, 2023].

который в кратких словах рассказывает пожилому монаху о своих ночных кошмарах, галлюцинациях, видениях.

Проходит еще мгновение, и злобный, сердитый Ставрогин снова здесь, в монашеской келье — и снова раздраженно пытается Тихона, в ком видит «чудака и юродивого» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 11].

Трудно уследить, как молниеносно злобно-закрытый и открыто-простодушный посетитель сменяют один другого, но именно открыто-простодушный предлагает старцу Тихону прочесть фрагмент «Апокалипсиса» «Ангелу Лаодикийской церкви напиши», который, оказывается, давно знает, и который, по-видимому, его очень волнует. Он хочет читать сам, по тексту, в русском переводе, ищет Книгу на столе — она ведь обязательно должна быть у архиерея! Разумеется, у Тихона она есть, понятно, что это его настольная Книга. Но Тихон помнит послание Святого Иоанна Богослова в Лаодикийскую церковь наизусть и произносит начало послания слово в слово.

«Знаете, я вас очень люблю», — вырывается признание, какого не ждешь от Ставрогина. Тихон вполголоса отвечает: «И я вас» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 11].

Редчайший момент, который мог бы повернуть не только диалог, но и судьбу гостя. Однако... «Ставрогин замолк и вдруг впал опять в давешнюю задумчивость. Это происходило точно припадками, уже в третий раз. Да и Тихону сказал он “люблю” тоже чуть не в припадке, по крайней мере неожиданно для себя самого» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 11].

Опомнившись, Ставрогин в гордыне своей не может простить себе это «люблю», которое вырвалось импульсивно, после чтения отрывка, когда, опустив глаза и уперев обе ладони в колени, он слушал Тихона. Побеждает гнев и самолюбие; понимая, что Тихон его разгадал, что загадка была для пронизательного архиерея не из сложных, Николай Всеволодович перестает *стесняться в словах*, и все заканчивается почти испугом и бешенством: «Проклятый психолог!» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 30].

Скорее всего, Ставрогин не смог простить себе и письмо к Даше, написанное в приступе минутной нежности, в порыве невозможной откровенности, когда позвал ее через два дня ехать с ним и навсегда поселиться в маленьком доме швейцарского кантона Ури, когда заверял ее, что боится самоубийства как великодушия и никогда не

сможет застрелиться. Однако, вместо отъезда в Ури и не дожидаясь Даши, спустя сутки он приедет в Скворешники, чтобы подняться в светелку под самой крышей и повиснуть на заранее припасенной веревке. Он не хотел быть *только лишь теплым*, не хотел, чтобы *всё всегда было мелко и вяло* – ведь и любовь, которую он мог предложить Даше, тоже, полагал он, была бы мелкой, как и он сам [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 514]. Потому он выбрал *холод*, как его понимал, ведь *«Агнец любит лучше холодного, чем только лишь теплого...»* [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 11–12].

Мгновения, когда вырываются на простор жизни простодушные и духовное бесстрашие Ставрогина, драгоценны. Быть может, именно эти краткие и редкие в романе мгновения духовной жизни Ставрогина позволили Николаю Бердяеву сказать о центральном персонаже «Бесов» то, что никто ни прежде, ни позже не дерзал, кажется, говорить. Быть может, в своей оценке личности Ставрогина Бердяев следовал мысли *подлинного Достоевского, знавшего откровения*. «Была судьба Ставрогина до “Бесов” и будет судьба его после “Бесов”. После трагической гибели будет новое рождение, будет воскресение. И нашей любовью к Ставрогину мы помогаем этому воскресению. Сам Достоевский слишком любил Ставрогина, чтобы примириться с его гибелью. Он тоже возносил молитвы о его воскресении, о его новом рождении. Для православного сознания Ставрогин погиб безвозвратно, он обречен на вечную смерть. Но это не есть сознание Достоевского, подлинного Достоевского, знавшего откровения. И мы вместе с Достоевским будем ждать нового рождения Николая Ставрогина – красавца, сильного, обаятельного, гениального творца. Для нас невозможна та вера, в которой нет спасения для Ставрогина, нет выхода его силам в творчество. Христос пришел весь мир спасти, а не погубить Ставрогина. Но в старом христианском сознании еще не раскрылся смысл гибели Ставрогина, как момента пути к новой жизни. И в этой гибели есть прохождение через Голгофу. Но Голгофа не последний этап пути. Лишь в новом откровении раскроется возможность воскресения Ставрогина и жертвенный смысл гибели того, кто бессилен был совершить сознательную жертву. И вновь будет собрана его истощившаяся, распавшаяся личность, которую трудно не ненавидеть и нельзя не любить» [Бердяев, 1914, с. 88–89].

В любом случае, не подлежит сомнению сам подход Бердяева к загадке романа и его главного героя: «Тайну индивидуальности

Ставрогина можно разгадать лишь любовью, как и всякую тайну индивидуальности» [Бердяев, 1914, с. 80].

Финал хроники — это тринадцать смертей; три самоубийства и восемь убийств. Число погибших — апокалипсическая треть населения романа¹⁶.

Но уцелели три женщины, познавшие горечь невосполнимых утрат: книгоноша Софья Матвеевна Улитина, вдова убитого в Севастополе подпоручика; Варвара Петровна Ставрогина, потерявшая мужа, любимого друга и единственного сына и готовая вместе с Софьей Матвеевной распространять Евангелие. С ними останется и Дарья Павловна Шатова, потерявшая родного брата и обреченная до конца дней оплакивать своего возлюбленного, который выбрал не ее жертвенную любовь, а намыленную петлю.

Однажды Даша сказала Ставрогину: «Если не к вам, то я пойду в сестры милосердия, в сиделки, ходить за больными, или в книгоноши, Евангелие продавать. Я так решила. Я не могу быть ничьей женой; я не могу жить и в таких домах, как этот. Я не того хочу... Вы всё знаете» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 230].

Он всё знал, но ничего не хотел.

Три одинокие женщины, избежавшие смерти, и с ними Вечная Книга — таков истинный финал самого литературного и самого горестного романа Достоевского.

Список литературы

1. Анненков, 1928 — *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. 686 с.
2. Бердяев, 1914 — *Бердяев Н.А.* Ставрогин // *Русская мысль*. М.: Тип. лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. Кн. V, май. С. 80–89.
3. Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
4. Григорович, 1964 — *Григорович Д.В.* Из «Литературных воспоминаний» // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*: в 2 т. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1. 440 с.
5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

¹⁶ После того как вострубили Ангелы, «третья часть деревьев сгорела», и «третья часть моря сделалась кровью», «и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла», и «третья часть вод сделалась полыньей», «и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд», «умерла третья часть людей». Ср.: (Откр. 8:7–12, 9:18).

6. Касаткина, 2023 — Касаткина Т.А. «Откровение Иоанна Богослова» в романе Достоевского «Идиот»: Жена-город // Новый мир. 2023. № 9. С. 179–190. URL: <http://new.nm1925.ru/articles/2023/09-2023/otkrovenie-ioanna-bogoslova-v-romane-dostoevskogo-idiot-zhena-gorod/> (дата обращения: 12.10. 2023).
7. Криницын, 1998 — Криницын А.Б. Шекспировские мотивы в романе Достоевского «Бесы» // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. Сб. ст. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 161–173.
8. Подосокорский, 2009 — Подосокорский Н.Н. Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 19 с.
9. Подосокорский, 2011 — Подосокорский Н.Н. 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 39–71.
10. Пушкин, 1978 — Пушкин А.С. Элегия (1830) // Пушкин А.С. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 308–309.
11. Сараскина, 1990 — Сараскина Л.И. В поисках слова (сочинители в произведениях Достоевского) // Сараскина Л.И. «Бесы» — роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. С. 72–129.
12. Сараскина, 2016 — Сараскина Л.И. «Был один старый грешник в восемнадцатом столетии...» (Вольтер в произведениях Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Альянах. 2016. № 34. С. 113–125.
13. Шекспир, 1845 — Шекспир У. Отелло. Венецианский мавр / пер. В.М. Лазаревского. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1845. 201 с.
14. Шекспир, 1864 — Шекспир У. Отелло, венецианский мавр / пер. П.И. Вейнберга. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1864. 160 с.
15. Эко, 2016 — Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 640 с.
16. Kovalevskaia, 2014 — Kovalevskaia T.V. Shakespeare and Dostoevsky: the human condition and the human ambition // Text. Book. Publishing. 2014. № 1 (5). Pp. 72–88.
17. Les femmes de H. de Balzac, 1851 — Les femmes de H. de Balzac: Types, Caractères et portraits précédés d'une notice biographique par le bibliophile Jacob [Pseud. f. Paul Lacroix] et illustrés de 14 magnifiques portraits gravés sur acier d'après les dessins de G. Staal. Paris: Lovis Janet, 1851. 223 p. URL: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb31422016g> (дата обращения: 13.10.2023).

Интернет-ресурсы

1. Книга «Les femmes de H. de Balzac» XIX в., 2022 — Книга «Les femmes de H. de Balzac» XIX в. URL: https://meshok.net/item/271880779_%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0_Les_femmes_de_H_de_Balzac_XIX%D0%B2 (дата обращения: 12.10. 2023).

References

1. Annenkov, P.V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memories]. Leningrad, Academia Publ., 1928. 686 p. (In Russ.)

2. Berdiaev, N.A. "Stavrogin" ["Stavrogin"]. *Russkaia mys' [Russian Thought]*, book 5, May. Moscow, Tip. lit. t-va I.N. Kushnerev i K^o Publ., 1914. Pp. 80–89. (In Russ.)
3. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo. Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [Dostoevsky's Library. An Attempt at Reconstruction. Academic Description]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
4. Grigorovich, D.V. "Iz 'Literaturnykh vospominanii'" ["From 'Literary Memories'"]. *F.M. Dostoevskogo v vospominaniiaakh sovremennikov: v 2 tomakh [Fyodor Dostoevsky in the Memories of His Contemporaries: in 2 vols]*, vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. 440 p. (In Russ.)
5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Complete Works: in 30 vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Kasatkina, T.A. "'Otkrovenie Ioanna Bogoslova' v romane Dostoevskogo 'Idiot': Zhena-gorod" ["St. John's Book of Revelation in Dostoevsky's Novel *The Idiot*: The Woman-City"]. *Novyi mir*, no. 9, 2023, pp. 179–190. Available at: <http://new.nm1925.ru/articles/2023/09-2023/otkrovenie-ioanna-bogoslova-v-romane-dostoevskogo-idiot-zhena-gorod/> (Accessed 12 Oct. 2023) (In Russ.)
7. Krinitsyn, A.B. "Shekspirovskie motivy v romane Dostoevskogo 'Besy'" ["Shakespearean Motifs in Dostoevsky's Novel *The Possessed*"]. *K 60-letiiu professora Anny Ivanovny Zhuravlevoi. Sbornik statei [For the 60th Anniversary of Professor Anna Ivanovna Zhuravleva. Collected Articles]*. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1998, pp. 161–173. (In Russ.)
8. Podosokorskii, N.N. *Napoleonovskaia tema v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot": avtoref. ... kand. filol. nauk [The Theme of Napoleon in Dostoevsky's Novel The Idiot: PhD thesis, summary]*. Velikii Novgorod, 2009. 19 p. (In Russ.)
9. Podosokorskii, N.N. "1812 god i napoleonovskii mif v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Year 1812 and the Myth of Napoleon in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2011, pp. 39–71. (In Russ.)
10. Pushkin, A.S. "Elegiia (1830)" ["Elegy (1830)"]. *Izbrannye sochineniia: v 2 tomakh [Selected Works: in 2 vols]*, vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., pp. 308–309. (In Russ.)
11. Saraskina, L.I. "V poiskakh slova (sochiniteli v proizvedeniiaakh Dostoevskogo)" ["Searching for a Word (Authors in Dostoevsky's Works)"]. *Besy – roman-preduprezhdenie [The Possessed: A Novel-Warning]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 72–129. (In Russ.)
12. Saraskina, L.I. "'Byl odin staryi greshnik v vosemnadzatom stoletii...'" (Vol'ter v proizvedeniiaakh Dostoevskogo) ["'There Was an Old Sinner in the Eighteenth Century...'" (Voltaire in Dostoevsky's Works)]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 34, 2016, pp. 113–125. (In Russ.)
13. Shakespeare, William. *Otello. Venetsianskii mavr [The Tragedy of Othello, the Moor of Venice]*. Trans. by V.M. Lazarevskii. St. Petersburg, Tip. Karla Kraiia Publ., 1845. 201 p. (In Russ.)
14. Shakespeare, William. *Otello. Venetsianskii mavr [The Tragedy of Othello, the Moor of Venice]*. Trans. by P.I. Veinberg. St. Petersburg, Tip. P.A. Kulisha Publ., 1864. 160 p. (In Russ.)
15. Eco, Umberto. *Rol' chitatelia. Issledovaniia po semiotike teksta [The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts]*. Trans. from English and Italian by S.D. Serebrianyi. Moscow, AST: CORPUS Publ., 2016. 640 p. (In Russ.)
16. Kovalevskaya, T.V. "Shakespeare and Dostoevsky: the human condition and the human ambition." *Text. Book. Publishing*, no. 1 (5), 2014, pp. 72–88. (In English)

17. *Les femmes de H. de Balzac: Types, Caractères et portraits précédés d'une notice biographique par le bibliophile Jacob [Pseud. f. Paul Lacroix] et illustrés de 14 magnifiques portraits gravés sur acier d'après les dessins de G. Staal.* Paris, Lovis Janet, 1851. 223 p. Available at: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb31422016g> (Accessed 13 Oct. 2023) (In Russ.)

List of Web Pages

1. “Книга ‘Les femmes de H. de Balzac’ XIX v” [“The Book ‘Les femmes de H. de Balzac’ XIX Sec.”]. *meshok.net*. Available at: https://meshok.net/item/271880779_%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0_Les_femmes_de_H_de_Balzac_XIX%D0%B2 (Accessed 12 Oct. 2023) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 31.10.2023
Одобрена после рецензирования: 08.11.2023
Принята к публикации: 10.11.2023
Дата публикации: 25.12.2023

The article was submitted: 31 Oct. 2023
Approved after reviewing: 08 Nov. 2023
Accepted for publication: 10 Nov. 2023
Date of publication: 25 Dec. 2023